

□Наш Сяо Му глупенький, зато уже сам освоил основы семейной иерархии□

□Ха-ха-ха-ха! Напрямую просить Гугу бесполезно, а вот если попросить Чжичжи — другое дело□

□Шипперить Гугу и Чжичжи так же легко, как воду пить□

□Реально старая супружеская пара. У моих учителя и наставницы такой же стиль общения. Каждый раз, когда я не справляюсь с заданием, начинаю ласково просить наставницу замолвить за меня словечко, хе-хе□

Му Синчэнь быстро убрал оставшуюся половину духа уныния в сосуд, а затем с самым послушным выражением посмотрел на Ци Гу и Линь Ханьчжи:

— Ура.

Под густой чернотой ночи впереди тянулся длинный проход, по сторонам стояли здания с многоярусными вальмово-щипцовыми крышами. Дороги в резиденции генерала шли ровной сеткой, поэтому по карте заблудиться было сложно. Вскоре трое уже стояли перед искусственной горой.

Днём внутри неё и без того было темно, а теперь глубина превратилась в совершенно густую черноту, будто пространство залили чернилами: невозможно было разглядеть хоть что-нибудь.

Искусственную гору сложили из причудливых камней тайху. Древние мастера тщательно выстроили композицию и в итоге создали участок площадью около сорока-пятидесяти квадратных метров с петляющей внутренней тропой. Когда место ещё было открыто для посетителей, многие туристы с интересом заходили внутрь, а потом выходили разочарованными.

Потому что гора была самой обычной искусственной горой и ничем не отличалась от множества других.

— Я зайду первым и посмотрю, смогу ли вывести театрального призрака... Цзэн Цинхуаня. Вы двое ждите здесь, — твёрдо сказал Ци Гу, не оставляя Линь Ханьчжи и Му Синчэню возможности возразить.

Проход внутри был очень узким, пройти мог лишь один человек. Если бы все трое пошли вместе и что-нибудь случилось, даже убежать оказалось бы невозможно.

Мощный фонарь освещал куда лучше, чем те жалкие лучи из фильмов ужасов, где после включения света всё равно царит крошечная тьма. Стоило Ци Гу направить луч вперёд, как тропа перед ним стала яркой до самого поворота.

Он быстро пошёл внутрь. Сначала можно было двигаться в полный рост, затем проход стал таким низким, что пришлось пригибаться. После очередного поворота Ци Гу вышел в просторную маленькую пещеру. Внутри стояла каменная кровать, а рядом лежала небольшая деревянная лошадка, сильно выцветшая и отполированная — словно её постоянно гладили руками.

На кровати сидел Цзэн Цинхуань в серебристо-белых доспехах. Он опустил взгляд, и выражение лица было не разобрать.

— Генерал, — спокойно произнёс Ци Гу.

Цзэн Цинхуань поднял голову. У него было изящное лицо, но между бровями ощущалась суровая убийственная решимость. Его взгляд задержался на коротких волосах и чистых чертах Ци Гу; похоже, странный наряд живого человека его озадачил.

— Поговорим, когда выберемся, — сказал Ци Гу.

Он поднял руку и осторожно надавил на формацию, удерживавшую Цзэн Цинхуаня. В тот же миг формация вспыхнула ослепительным сиянием, пытаясь изгнать безрассудного человека, осмелившегося её потревожить. Но торжествовала она лишь мгновение. Ци Гу сильнее нахмурился, клыком прокусил кончик языка и выплюнул на формацию чистую янскую кровь практика.

Стоило крови попасть на узор, как тот зашипел, мгновенно окутываясь чёрным дымом.

Ци Гу тут же влил духовный свет в самое слабое место формации и наконец разорвал в ней небольшую щель.

Он посмотрел на Цзэн Цинхуаня и совершенно невозмутимо сказал:

— По идее, пролезть можно. Попробуйте протиснуться.

Рвать всё целиком было слишком утомительно. Главное — чтобы человек... то есть призрак прошёл.

Цзэн Цинхуань ничуть не возмутился тем, что Ци Гу фактически предложил ему ползти через собачью лазейку. Он схватил маленькую деревянную лошадку, сунул за пазуху и без колебаний протиснулся сквозь щель. Выбравшись, он сложил руки в воинском приветствии:

— Благодарю господина за помощь!

Голос у него был чистым и утончённым, совсем не похожим на голос человека, много лет

проведшего в походах и сражениях. Скорее подошёл бы книжнику.

Впрочем, если учесть, что этот призрак был настоящим чудовищем по части голосовых перевоплощений и мог выдавать из горла что угодно, Ци Гу не удивился тому, что его настоящий голос звучал именно так.

Если подумать, родись Цзэн Цинхуань в современности, он без проблем нашёл бы вторую карьеру в озвучке. Ещё и оперные партии мог бы брать на себя — даже песню для заставки спел бы сам.

— Угу, — коротко ответил Ци Гу и повернул к выходу.

Внутри была только одна дорога, заблудиться невозможно. Очень скоро человек и призрак по тропе добрались до выхода.

Услышав шаги, Му Синчэнь радостно поднял камеру:

— Учитель вернулся!

Линь Ханьчжи сказал:

— Он всегда был очень сильным.

□Перевод слов брата-императрицы: «Мой муж самый крутой»□

□Ха-ха-ха-ха, я умер□

□Тон брата-императрицы в точности как то старое «мой муж госслужащий...»□

□Уже вижу эту картину□

□Интересно, как выглядит жена генерала. Наверное, мягкая и утончённая? С таким нежным оперным голосом иначе сложно представить□

□Гугу же говорил, что она тоже воевала. Мне кажется, должна быть героической девушкой с военной выправкой□

□А я подозреваю, что у неё было какое-то скрытое заболевание или физическая проблема. Иначе почему Мо Чжоу, которому плевать на феодальные условности, не позволял ей выходить из дома и поселил отдельно в маленьком дворе?□

Пока зрители в комментариях строили догадки, из глубины искусственной горы показался желтовато-оранжевый луч фонаря. Первым вышел Ци Гу, встретился взглядом с Линь Ханьчжи, а затем посторонился, пропуская Цзэн Цинхуаня.

Когда из прохода появился Цзэн Цинхуань, который был на несколько сантиметров выше Ци Гу, экран мгновенно заполнили вопросительные знаки так густо, что за ними почти ничего не было видно.

□Красавчик, привет. Красавчик, ты кто?□

□Куда делась моя прекрасная певица и откуда взялся мужчина???□

□Он за секунду убил всех телевизионных генералов. Даже не знаю, как объяснить: выглядит довольно мягким человеком, но в нём реально есть та решительность человека, который убивал на войне и командовал армией. Взгляд острый — такое актёром не сыграешь□

□Так это Мо Чжоу или Цзэн Цинхуань изначально мужчина?□

□Цзяньцю, у этой госпожи голова болит□

Цзэн Цинхуань был заперт неизвестно сколько лет и наверняка не знал, насколько быстро изменился современный мир. Поэтому Ци Гу сам указал на камеру и объяснил:

— Это камера для интернет-трансляции. Когда она включена, всё происходящее здесь в реальном времени видят люди за тысячи ли от нас. Сейчас нашу трансляцию смотрят примерно семь миллионов человек.

Даже привыкший к большим событиям Цзэн Цинхуань при словах «семь миллионов» не удержался от удивления:

— Какая сейчас династия? Неужели существует такое чудесное устройство... и столько людей могут ночью спокойно предаваться развлечениям?

Ци Гу вкратце рассказал ему о последующих эпохах и смене династий, а в конце — о борьбе против имперского и феодального строя и о нынешней новой эпохе, где нет рабов.

Цзэн Цинхуань слушал потрясённо. На какое-то время он просто застыл, не в силах выразить эмоции.

□Эх. В любом случае сейчас куда лучше, чем раньше□

□Люди, родившиеся в смутное время, наверное, больше всего мечтают о мире, сильной стране и благополучном народе□

□В новой эпохе рабов нет, зато есть рабочие лошадки ()□

□Причём офисные рабочие лошадки уже идут в комплекте с кофе□

□Предыдущий, верни мне моё умиление, а-а-а-а!□

*

Современная столица давно изменилась до неузнаваемости. Никто уже не знал, что тысячу лет назад на её улицах было рассыпано бесчисленное множество воспоминаний о двух мальчишках, которые вместе играли и бегали по городу.

Цзэн Цинхуань не родился рабом. Его отец был бедным, но неподкупным мелким чиновником у подножия императорского города. Дом семьи Цзэн стоял по соседству с домом семьи Мо. Взрослые уходили ко двору, а дети собирались тесной кучкой, словно липкие рисовые пирожки, и убегали играть.

Им было всего по семь-восемь лет — самый непоседливый возраст. Стоило им сорваться с места, как даже кормилицы не могли догнать, и каждый раз возвращались совершенно измученными.

Они дразнили кошек, гонялись за собаками, и почти каждая улица столицы когда-то слышала их звонкий смех.

Так Цзэн Цинхуань и Мо Чжоу росли вместе. Эти три года стали самым беззаботным временем их жизни.

Когда им исполнилось десять, отец Мо отправил сына в военный лагерь учиться боевым искусствам. Цзэн Цинхуань тут же попросил отца отпустить его вместе с другом.

В лагере они узнали, что разные силы вокруг страны давно смотрят на неё как хищники и что государство балансирует на грани гибели.

На северных землях каждый день солдаты погибали в боях.

Но для детей всё это всё ещё оставалось словами на бумаге, картиной, которую невозможно по-настоящему представить. Они усердно учили приёмы, однако были слишком малы и ещё не понимали, что на самом деле означает поле боя.

Пока после одной тяжёлой победы северная армия не вернулась в столицу.

В тот день они видели, как солдаты шли, прихрамывая; как кто-то носил руку на перевязи; как у кого-то с лица был срезан целый кусок плоти, а он всё равно глупо скалился жёлтыми зубами, радуясь такой дорогой победе.

Но сильнее всего их потрясло другое. Порыв ветра приподнял свободную штанину одного солдата, и внутри показался кусок дерева... Оказалось, в бою он потерял ногу, с которой когда-то мог свободно ходить.

В колонне были и те, кого несли. Они кричали и стонали от боли, и эти звуки словно вонзались прямо в сердце.

Учитель постоянно говорил им, что война жестока. Но ни Мо Чжоу, ни Цзэн Цинхуань раньше не чувствовали этого по-настоящему — до этого дня, до этой минуты.

Мо Чжоу посмотрел на могучего генерала, ехавшего на высоком коне во главе войска, и твёрдо сказал:

— Я хочу стать великим генералом, который принесёт народу множество побед и сделает так, чтобы приграничные племена больше не смели нападать!

Цзэн Цинхуань посмотрел на него:

— Я тоже.

— Тогда станем генералами вместе, каждый будет защищать своё направление... — Мо Чжоу говорил всё увереннее, но вдруг понял, что тут что-то не сходится. — Хотя тогда мы что, вообще не сможем видеться?

— Тогда... выберем места гарнизонов поближе друг к другу? — предложил Цзэн Цинхуань.

Двое детей наперебой распланировали своё будущее настолько подробно, что чуть не придумали себе будущие титулы.

Взрослые рядом, конечно, не приняли это всерьёз. Им казалось, что это просто детская болтовня: подует ветер — и завтра... да что завтра, уже за ужином дети забудут всё вместе с рисом и овощами.

Но Мо Чжоу и Цзэн Цинхуань говорили всерьёз.

После этого они всё усерднее занимались в лагере. В свободное время вместе отрабатывали приёмы, читали военные трактаты, обсуждали их, а на песке палками рисовали позиции своих армий и разыгрывали наступление и оборону. Победы делились примерно поровну. Видя, с каким рвением они учатся, наставник тоже стал уделять им больше внимания, отдельно объясняя сложные вещи.

Он видел: оба мальчика — настоящий материал для будущих полководцев.

Но всего через три месяца из двух будущих полководцев остался один.

Отец Цзэн Цинхуаня был бедным и неподкупным чиновником. Как раз приближался день рождения вдовствующей императрицы, и все чиновники готовили поздравительные дары. Но человек, который большую часть жалованья тратил на помощь сиротам и бедным детям, естественно, не мог подарить ничего роскошного.

В конце концов он сам написал картину с каллиграфией и добавил коробку сладостей из родного края.

А уже на следующий день отца Цзэн обвинили в неуважении к вдовствующей императрице и приговорили к казни. Его дети и слуги были обращены в рабство и могли продаваться как товар.

Тот день рождения был проверкой верности, устроенной вдовствующей императрицей и регентом для двора. Чиновники через знакомых передавали друг другу новости и втайне обсуждали, какие подарки следует преподнести. Но отец Цзэн никогда не примыкал к фракциям и не ладил с бездельниками, занимавшими должности только ради выгоды, поэтому о проверке ничего не узнал.

Его скромный подарок стал удобной мишенью и лучшим способом для вдовствующей императрицы укрепить власть и показать чиновникам, кто здесь хозяин.

Мо Чжоу плакал и умолял отца помочь, но семья Мо много лет была в упадке и давно утратила прежнюю славу. А вдовствующая императрица явно решила сделать из семьи Цзэн показательный пример. В такой момент никто не мог и не смел за них заступиться.

Позже.

Цзэн Цинхуаня привезли в контору работоторговцев. Благодаря хорошему телосложению и основам боевых искусств его выбрал хозяин оперной труппы. С того дня он тренировался с утра до ночи, но учился уже не копьём и мечу для убийства врага, а плавным движениям тела и гибкому оперному пению.

Мо Чжоу часто тайком приходил ночью, перелезал через стену и приносил Цзэн Цинхуаню

одежду, еду, деньги и лекарства от побоев. Все свои карманные деньги он тратил здесь.

Под луной, среди верхушек ив, Мо Чжоу каждый раз появлялся с набитым свёртком. Иногда Цзэн Цинхуань начинал подозревать: осталось ли вообще что-нибудь в доме Мо? Или Мо Чжоу уже всё оттуда вынес?

Однажды Мо Чжоу осторожно протянул ему военный трактат. Обычно прямой и бесцеремонный, теперь он настороженно следил за лицом Цзэн Цинхуаня, боясь, что тот рассердится.

Мо Чжоу и сам понимал: в нынешнем положении Цзэн Цинхуань уже не мог мечтать о военной службе.

Но... а вдруг?

Мо Чжоу ни разу не пообещал, что обязательно вытащит его отсюда. Он знал, что пока у него нет такой силы, и потому не давал обещаний, которые не может выполнить.

К счастью, Цзэн Цинхуань не рассердился и не пал духом. Он серьёзно поблагодарил Мо Чжоу и сказал, что в свободные минуты обязательно будет читать.

Друзьям детства не требовались объяснения, чтобы понимать чувства друг друга. Цзэн Цинхуань знал: Мо Чжоу не хотел причинить ему боль.

Прошло несколько лет.

Мо Чжоу вырос высоким юношей, а Цзэн Цинхуань стал не менее стройным и красивым.

Мо Чжоу пришёл проститься: вскоре ему предстояло отправиться на северную границу. Цзэн Цинхуань долго молчал, а затем сказал:

— Мне нечего тебе подарить. Тогда я надену костюм и сыграю один спектакль — пусть будет подарком на дорогу.

В тот вечер Мо Чжоу впервые увидел Цзэн Цинхуаня в женском сценическом платье: лицо выбелено, брови прорисованы, румянец нанесён к вискам. В труппе экономили на всём, но этот головной убор действительно стоил целое состояние — хозяин потратил на него огромные деньги, а Цзэн Цинхуань на одну ночь его «одолжил».

Золотой убор и бесчисленные драгоценные бусины сверкали в лунном свете.

Но Мо Чжоу казалось, что ярче всего сияют похожие на цветное стекло кошачьи глаза Цзэн Цинхуаня.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949141>